

НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ ПРОШЕДШЕГО

(О ТВОРЧЕСТВЕ АЛЖИРСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ МАЛИКИ МОКЕДДЕМ)

С.В. ПРОЖОГИНА

Доктор филологических наук

Ключевые слова: Малика Мокеддем, литература, Алжир, Франция

После обретения независимости в результате долгой и трудной борьбы с колонизаторами в Алжире, казалось бы, распрощаться с «наследием Прошлого» обещано было все-речь. И всерьез совершались даже попытки строительства хотя и особой («исламской»), но все-таки некоей формы «социалистического» устройства, гарантировавшего различные права гражданам народной и демократической республики. В том числе и права женщин, получивших доступ и к образованию, и работе, а значит, и большей свободе распоряжаться собственной жизнью, служить не только семье, но и обществу, приносить ему пользу, иметь возможность выбора профессии и даже своего местожительства за пределами родного селения, города, страны...

Об этих, открывавшихся перед алжирцами и алжирками горизонтах Жизни и была написана молодым врачом по профессии, художником слова по призванию - Маликой Мокеддем ее первая книга «Люди, идущие вперед» (1990)¹. О том, как извечно шли караваны кочевников, преодолевая Пустыню в поисках воды, пищи, новых стоянок, любила рассказывать героине повествования ее бабушка. Она напоминала внучке, выросшей в глинобитной хижине где-то на краю песчаной дюны, с одной стороны которой начиналась Сахара, а с другой - открывалась «дорога к Морю», что главное в жизни - это продвижение, «марш вперед», иначе - застой и смерть...

Во многом вобравшая в себя биографические черты писательницы, героиня первой книги М.Мокеддем уедет на Запад и попробует там осуществить свои представления о Свободе, навсегда усвоив, однако, урок «своей Пустыни».

НЕПРЕОДОЛЕННАЯ ПУСТЫНЯ

Это пространство «открытых горизонтов», рождающих Мечту и необходимость Движения, еще долго будет тревожить воображение писательницы и станет неотъемлемым атрибутом повествования практически всех ее последующих произведений («Век саранчи» (1992); «Запретная» (1993); «Мечты и убийцы» (1995); «Ночь ящерицы» (1998); «Я продолжаю» (2001) и др.).

Но образ Пустыни в книгах М.Мокеддем наделен не только метафорой Пути (как предназначенности Человека идти вперед). Для нее это память о «родном источке»: героиня помнит его не только как согретую любовью колыбель свою, но и как обьятое людской ненавистью место своего изгойства, отчуждения, вынужденности расставания с любимым с детства пейзажем, открывавшим простор для полета ее души...

Именно таким и оказалось восприятие своей новой встречи с «родной Пустыней» в повести М.Мокеддем «Запретная»². Вынужденное возвращение на родину, оставленную полтора десятилетия назад, не принесло героине ни радости узнавания неизменно сти пространства песков, ни радости увиденных здесь перемен.

...Быть «Запретной» («Interdite»³) означало для девочки, а потом и девушки многие мучительно тянувшиеся годы под ненавистным взором односельчан, не прощавших ей «историю позора», покрывшего навсегда ее мать. Ту заподозрил муж (наслушавшись сплетен соседок) в измене и однажды, придравшись к тому, что жена пришла домой, слегка запоздав, набросился на нее и забил до смерти на глазах у пятилетней дочери. Его потом уведут - навсегда, и дочь его больше никогда не увидит.

Так внезапно оборвалось беззаботное детство, и настала пора испытаний: *«В деревне ползли слухи, что наша семья проклята. Я так и считала еще долгие годы... Когда я шла по улицам, дети разбегались при моем появлении. Отпрыгивали в сторону, как лягушки... Чтобы не видеть этого, я привязала какие-то жестянки на веревочку, и они позвякивали, когда я тащила ее за собой, предупреждая и отпугивая таким образом ребятнишек... Постепенно меня все оставили...»* (с. 153-154).

Об этом вспоминала Султана (так зовут героиню повествования) уже почти тридцатилетней, вернувшись на этот «край земли». Ее сразу узнали по приезду, напомнив, что лучше бы сюда ей не возвращаться: здесь не забыли о том, что она из той, «проклятой» семьи, дочь «запретной» женщины («не знавшей стыда», покрытой «позором бесчестья»), но и сама ставшая таковой: ведь вырастил ее «руми», французский врач, взяв ее из приюта, потом помог выучиться, а потом она и сама уехала «к ним», к «руми», из родной страны, - а значит, она - «предательница», «нечистая», «продажная», «содержанка руми» - врагов, пусть даже и лечивших их здесь, в этом глухом, забытом богом краю... (с. 155).

Память о войне с французами тогда еще была свежа, и люди продолжали смотреть подозрительно даже на тех европейцев, кто остался в стране и помогал ей подниматься из руин и разрухи.

Французов «выдавят» из деревни (как и по всей стране), но Султана, которую они успели определить на учебу в город, помогли устроиться в интернат, уже твердо знала, что никогда «не уступит» тем, кто, согласно «правилам», охраняя женщину от «измены», от «бесчестья», порицая ее за «надругательство» над «честью семьи», на самом деле совершал

надругательство над ней самой, над ее свободой: *«Я стискивала зубы, - вспоминала Султана, - и говорила себе: «Нет, они не завладеют мной, не убьют меня, как мать. Им не достанется моя шкура...»* (с. 155).

Султана словно оправдала данное ей при рождении «царское» имя: завидная воля, твердость характера, почти мужская выдержка, несогбенность духа и неутолимое желание добиться поставленной цели - стать врачом. В Алжире, несмотря на все провозглашенные «великие цели» строительства и народной, и демократической, и социалистической республики, с правами женщин все было непросто. «Исламские запреты», охранявшие женскую «благочестивость» и «целомудрие», продолжали «работать», и за женщиной все так же продолжала следить ее семья - отец, братья, потом - семья мужа, общество в целом, без особого энтузиазма воспринимавшее обретение ими профессий, дававшее возможность самостоятельно жить и зарабатывать деньги.

Антиколониальная война в 50-е - 60-е гг. ушедшего века ускорила процесс ее созревания. Но нагрянувшая уже в 90-е гг. гражданская война с исламскими фундаменталистами пыталась искоренить все достижения революции.

Из Франции ее позвало на родину письмо друга, с которым она когда-то вместе училась на медицинском факультете Оранского университета. Тот, получив диплом врача, уехал на юг страны, долго работал в той «глуши», из которой была родом Султана, где не хватало реальной помощи, где людям мешали лечиться не только нужда, нехватка средств, но и извечные предрассудки, запреты, заставлявшие их обращаться к колдунам и знахарям. Позвонив в больницу, чтобы предупредить врача о своем скором приезде, она узнала, что «доктор внезапно скончался накануне. Умер в своей постели. Абсолютно здоровый». Его ассистент уговорил Султану не медлить и ехать - доктор рассказывал всем, какой она «замечательный врач»...казалось, ее действительно там ждали. Поэтому прошлое, где было отвержение и изгойство, не пугало ее сейчас, да и приходилось

спешить на похороны друга - мусульмане хоронят своих быстро.

На похороны ее, женщину, конечно, не допустили. Обычай не позволял. Вскрытия не производили, а потому причина смерти врача установлена не была. Но Султане дали понять сразу же по приезде, что «доктор был на подозрении у «братьев» (т.е. мусульман-«интегристов») - они уже всю хозяйничали в стране, требуя «именем Аллаха» восстановления истинного порядка вещей, заветного Пророком, и возвращения мусульман к изначальной вере своей, «не замутненной нечистыми помыслами властей и грязными замыслами Запада»... У них была своя «истина», свое оружие и свои цели. Их боялись повсюду, но здесь, в глуши, особенно.

Таксист, везший Султану к дому сельского врача, узнал ее, хотя прошло немало лет. Она, расспрашивая его, пыталась разглядеть по дороге те места, где родилась и выросла, найти «тот самый» родной глинобитный дом. Оглянувшись на нее, таксист почти со злостью сказал, что она приехала сюда напрасно... Словно предупреждая.

Так оно и случилось. Люди не только помнили о «проклятой семье», о нарушивших «запреты» матери и дочери, но и знали, что к «врачихе» если и обратятся за помощью, то немногие. И в основном женщины, страдающие не столько от своих многочисленных болезней, сколько от расстройства души, психики, сломанной властью мужей, отцов, братьев... Мужчины не пойдут на прием к Султане - их достоинство и честь мужчин не позволяли рассказывать женщине о своих немощах. А если и шли к ней за лекарствами, то чаще просто выбрасывали их. *«Нет, забвения прошлого не пришло ко мне, - скажет Султана. - Оно воскресло в живой современности, окружившей меня, в участии женщин, которых я здесь повстречала. Все увиденное и услышанное снова погрузило меня в мою прошлую драму жизни, цепью приковало к тем, кто и по сей день терпит тиранию традиций, унижения, преследования, подозрения... Ничего не забыто...»* (с. 155, 156).

Одно из новых «обстоятельств» жизни молодой женщины, без всякого «стыда» навеща-

вшей больного француза в его маленьком и единственном отельчике городка, расположенного неподалеку от ее родного селения, окончательно повлияло на саму возможность пребывания здесь женщины-врача, исключило продолжение ее работы...

Первым осмелился сказать ей об этом фельдшер - тот самый, который известил ее о смерти местного доктора. «Надо, чтобы ты уехала отсюда. Вчера вечером уже какие-то сильно возбужденные люди побили стекла в кухне больницы... Тебе не следует больше оставаться здесь» (с. 156).

Она уедет во Францию, где работала прежде. Несколько месяцев, проведенных на родине, ничего не прибавили к ее настоящему, только окунули в прошлое, «в тоску безвыходных блужданий души» (с. 156). Она улетала за море. С болью в душе и сердце. На ее родной земле часто запрещают жить тем, кто восстает против инерции «привычного русла», а значит - застоя, «безысходности», «бесплодности» Пустыни.

Но Малика Мокеддем и героини ее книг будут помнить о постоянных попытках людей преодоления этого пустого Пространства. Иначе писательница не сделала бы посвящения к своей книге: *«Моим алжирским подружкам, которые не признают запретов на жизнь»*.

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННЫХ ИЛЛЮЗИЙ

Повествование М.Мокеддем в книге «Мечты и убийцы»⁴ (1995) - о жестокой встрече героини со своим прошлым уже не в глуши, в забытом Богом пустынным краем, а на побережье Франции.

По этой истории, мать героини не была убита отцом, но изгнана им из дома за любовь к другому. Беременная, она должна была от позора скрыться, «исчезнуть», избежать мести и презрения окружающих, а потому уехала к родственникам, давно уже жившим в эмиграции (что для алжирцев - дело тоже издавна обычное) на другом берегу моря... Собственно, на поиски следов своей «исчезнувшей из жизни» матери и отправляется ее уже взрослая дочь, которой придется узнать горькую правду об «изгнаннице»,

о нищете, о ее трагическом финале - ужасной смерти от родов и гибели новорожденного...

Оставшиеся в живых свидетели этой печальной истории рассказывали дочери о мытарствах и смерти ее матери в краю изгнания, осторожно советовали ей «не ворошить» прошлое и не судить жестоко людей, не спасших здесь женщину от позора «свободной любви»... Люди поменяли только внешние условия своего существования. Многочисленные, давно осевшие на южном побережье Франции, магрибинцы и другие африканские иммигранты, с которыми довелось встретиться героине повествования, хотя и не думали возвращаться на родную землю, «в былое», но их нравы и обычаи, этнические и религиозные традиции, даже повседневная жизнь хранили не только следы «былого», но и особо культивировали их даже здесь, на чужбине... Люди продолжали молиться своему Богу, есть свою пищу, одеваться в свои ткани, селиться в своих кварталах и собираться в своих кафе, ходить в свои кинотеатры (на свои фильмы, сделанные иммигрантами или о них), по-своему жить и смотреть на окружающую жизнь своими глазами...

Так и живут иммигранты часто «между двух берегов» - без возврата на свой и без любви к чужому...

Героиня повести «Мечты и убийцы» поймет это в результате своих встреч и с иммигрантами-соотечественниками, и с французами, и с новой порослью «выходцев» из иммигрантской среды, абсолютно уверенных в своей «законной» принадлежности - по праву рождения - к Франции. Они мечтают жить здесь «не хуже», чем французы, и делают всё, чтобы отвоевать себе «достойные» позиции, отомстив таким образом за матерей и отцов, претерпевших нищету и унижения и на этой, позволившей им здесь жить, земле... Они, дети иммигрантских предместий, уже не позволяют себе «просто мечтать», - они пытаются идти «на прорыв», отвоевывая себе пространство Жизни, где ценой долгих трудных утрат многих иллюзий люди, в конечном счете, несмотря на разъединяющие их барьеры, объединены общей целью: строи-

тельства Будущего как мира лучшего...

Вот что рассказывает героиня повести, идя «по следу» своей матери: *«Большинство девочек, рожденных, как и я, сразу после завоевания в 1962 г. Алжиром независимости, были названы “Хурийя” (“Свобода”), “Насира” (“Победа”), “Джамиля” (“Прекрасная”) в честь героини войны... А меня называли “Кенза” (“Сокровище”). Ну, что за ирония! Никакими “сокровищами” жизни я так и не овладела. Ничего никогда у меня не было. Даже “прекрасных воспоминаний” о детстве. И это имя мне подходит ровно так же, как и “Свобода” тем, у кого ее не было никогда, или “Победа”, идеалы которой предали и растоптали те, кто приспособил ее для себя, так же как и память о героях войны за независимость. Я очень рано осознала этот парадокс торжественных имен женщины там, где она поработена... Лучше бы уж называли нас всех так, как и было все на самом деле: “Презренная”, “Нежеланная”, “Нелюбимая”. А вместо “Сокровища” - “Руиной”... Осталась, разве что, память о школе... Каждый раз в начале нового учебного года обнаруживалось, что отцы забирали своих дочерей из школы, - всех этих “Свобод”, “Побед”, “Прекрасных”... Чтобы замуж выдать поскорее, принудив, конечно. Поначалу я возмущалась. Но как же так! Нельзя же поверить в то, что эта необъятная всеобщая мечта о свободе и независимости смогла привести к таким результатам?! Неужели люди не изменились? Но может быть в этой всеобщей мечте уже зарождались и зрели ростки новой несвободы? Новых дискриминаций?! Как же могут отцы сами, своими руками разбивать будущее своих дочерей?! Опутать новыми оковами завоеванную ими самими свободу?! Что-то сломалось в стране с достижением независимости. Но это было трудно понять»* (с. 28-30).

Конечно, это добавляет немало черных красок к картине постколониального Алжира, воссоздаваемой в творчестве писательницы, усугубленной мрачностью показа усиления фундаменталистских притязаний, в которых «запреты» в пространстве «женского удела» только множатся...

В жизни героини и этого, во

многом автобиографического, повествования М.Мокеддем светлыми были только те моменты, когда она погружалась в чтение любимых книг или уносилась в мечтах своих в какие-то неведомые дали Будущего. Настоящее же было навсегда отмечено одиночеством, памятью о навсегда исчезнувшей из ее жизни матери и вечными угрозами отца и братьев: *«Моя жизнь не стоила для них и слезинки. В мясной лавке, которую держал отец, все они словно точили ножи, клялись, что не позволят мне следовать “примеру моей матери”. “Если и ты взбунтуешься, как она, - кричал отец, - я выпью всю твою кровь! Ты - моя дочь! И я, я сам тебе найду мужа! Он тебе покажет, что стоит твоя независимость! Переломит тебе хребет, если сделаешь то, что сделала твоя мать!»* (с. 57).

До замужества еще было далеко, а вот школу она все-таки закончила с отличием, и ее приняли в Оранский университет. Она добилась, что будет жить в студенческом общежитии, хотя отец и считал, что это «место разврата», и ее решение «отделиться от семьи» произвело эффект «разрыва бомбы» (с. 56).

Лишения и почти нищета студенческого существования не сломили, но скорее закалили девушку. Только Кензе любовь свою с сокурсником приходилось тщательно скрывать: и в Университете, как и повсюду, уже завелась исламская «полиция нравов»... Работая врачами, они снимали квартирку, скрывали от знакомых ее адрес, умудрялись как-то держать втайне от его и ее родных свою связь.

В городе, где они жили, усиливались облавы на женщин, замеченных на улицах или в общественных местах (кафе, кино и т. д.) с «посторонними» мужчинами (не в сопровождении отцов или братьев) - их хватали, называя «падалью», бросали в фургоны грузовиков, куда-то увозили... «Исчезнувших» таким образом было уже немало. С мужчинами, заподозренными в адюльтере или просто живущими не в браке со «свободными» женщинами, исламисты расправлялись не менее жестоко: стреляли в упор на улицах, взрывали машины, убивали дома зверским образом на глазах у семьи...

Попытка героини переехать на работу в столицу и как-то устроить там свою жизнь с любимым, которому его родители запретили брак с женщиной, живущей отдельно от своей семьи, окончилась неудачей. И там царил террор, исчезали люди, убивали врачей, писателей, журналистов, учителей - всех, кто не хотел смириться с утратой свободы, независимости, не был покорен воле тех, кто требовал «возврата к истокам» веры в Аллаха, «очищения страны» от «коросты Запада»⁵.

«Мечты» исчезали быстро, а «убийцы» становилось больше. «Мы жили, как кочевники» (с. 62). И первым не выдержал этой жизни возлюбленный. Они расстались. Но невозможно было смириться с тем, что она называла «разными гранями одной и той же, вечной женской драмы» (с. 76).

Мечты о «лучшем мире» «задохнулись» под натиском нового времени, «нашествия новых варваров» в независимом Алжире, где «мало-помалу затуманился рассудок людей», - размышляла Кенза, сравнивая судьбу своей матери со своей. Теперь просто убивают интеллигенцию. «Непохожих», не утративших веру в высокое предназначение рода человеческого, в гуманизм. Пятнают кровью ислам, который в этой стране был всегда толерантным к другим религиям. Нашествие «интегрисов» - как СПИД. Они - убийцы самой веры в Аллаха... Но в этой свершающейся в стране чудовищной драме из крови и пепла самые страшные последствия - сгоревшие мечты и надежды. Особенно женщин. Особенно тех, кто мечтал выбраться на свободу, получив образование... (с. 81-83).

Кенза не покончит с собой, не впадет в отчаяние, но и не смирится с жизнью, как ее подруги. Жестоко поплатившись за свой выбор, мать осталась в сознании людей, знавших ее, «жертвой», в сердце же дочери - примером несмирения с фатальностью «запрета на саму Жизнь».

Да, она, дочь, знает, что все они, мусульманские женщины, - неизбежные участницы одной и той же извечной «драмы», где играют «главные роли»: рабынь и невольниц в Доме Мужчины. Да, дочь знает, что в ее стране «мечты избываются», а «убийцы» множатся. Но Море, его вольный про-

стор, его свежий ветер, его «открытый» в бесконечность горизонт, словно позвали Кензу в далекую от всех берегов, от страданий, от разбитых надежд и иллюзий, в бескрайнюю, чистую, светлую Даль («*Vers des ailleurs blancs*», с. 222).

Спустя несколько лет писательница разработает мотив моря, «развернет» его в самостоятельную канву нового романа, названного по-арабски «*N'Zid*» (2001)⁶, что может быть переведено и как «Я продолжаю», и как «Я возрождаюсь». Это некая одиссея одинокой женщины, оказавшейся в открытом море на кем-то брошенной яхте, очнувшейся после какого-то страшного удара и блуждающей от пристани к пристани, не желая бросить нигде якорь... Шаг за шагом она воссоздает современную историю Алжира, исполненную страданий, бушевавшего там пожара «гражданской войны»...

Книги Малики Мокеддем - «Люди, идущие вперед» и «Запретная» - отмечены престижными французскими премиями «Фемина» и «Молодые средиземноморцы», и даже Алжир, не очень-то балующий своих писателей-эмигрантов вниманием (скорее наоборот) присудил ей награду Фонда Нуреддина Абы - классика алжирской литературы. А ее роман «Век саранчи», изданный в 1992 г., в том же году отмечен призом Международной Ассоциации франкоязычных писателей.

В текущем десятилетии Малика Мокеддем (ей недавно исполнилось 60 лет) написала еще ряд произведений.

Тема «перехода» через Пустыню Жизни, *неотвратимости движения вперед*, заявленная писательницей еще в ее первой книге («Люди, идущие вперед»), прозвучала в новой вариации в романе 2008 г. «В твоём забвении я жизнь обрел» («*Je dois tout a ton oubli*»). В нем совмещены и тема Пустыни как зова родины, и тема скитания по волнам памяти, постоянно возвращающей героиню в свое прошлое, как это произошло в романе «Я начинаю»...

А в двух автобиографических книгах, написанных ею в 2003-2009 гг., - «Бдение непокорных» («*Trans des insoumis*») и «Мои мужчины» («*Mes hommes*») - в документальном жанре рассказы-

вается о реальных событиях личной жизни, о значимых для нее встречах, о близких и родных ей людях.

Малика Мокеддем повествует о неодолимой власти патриархальной традиции, и поныне определяющей жизнь ее родительской семьи, о «стрелах» исламского интегризма, жестоко отметивших настоящее время Алжира, о нелегкой судьбе эмигрантки, постоянно живущей как бы сразу на двух берегах одного моря, ибо в душе ее не умолкает прекрасная мелодия голоса родной земли, залитой светом неодолимой Надежды. Надежды на Будущее, о чем мечтали все замечательные алжирские писатели, открывшие в середине прошлого столетия новый путь для алжирской словесности. Их почти уже нет.

Одни умерли в вынужденной эмиграции (Катеб Ясин, М.Диб, Н.Аба, Р.Беламри и др.), других - убили в смутное время этнических разборок и гражданской войны (Ж.Сенак, М.Маммери, Р.Мимун, Ю.Себти, Т.Джаут и др.), третьи - как великий писатель и поэт М.Хаддад, не выдержали бремени упреков в «национальной измене», когда уже после войны с колониализмом продолжали использовать французский язык как средство художественного выражения национальной реальности...

Все они оставили неизгладимый след в культуре своей отчизны, завоевывая ее Будущее. Но чтобы свершилось оно, людям, «идущим вперед, надо обрести свое Настоящее время. Избавившись от незавершенного Прошедшего, тенью порой застилающего «лучезарные горизонты» их жизни». Об этом нам поведала и Малика Мокеддем, продолжившая дело своих предшественников.

¹ Mokeddem M. Les hommes qui marchent. P., 1990 (подр. о романе см.: Прожогина С.В. Между мистралем и сирокко. М., 1998).

² Mokeddem M. L'interdite. P., 1993.

³ В повести М.Мокеддем эта номинация означает не только «нарушившую запрет», но и попавшую под «запрет общения с ней».

⁴ Mokeddem M. Les rêves et les assassins. P., 1995.

⁵ Об этом - документальная книга лауреата международных премий, члена Французской Академии алжирской писательницы Асси Джеббар «Белый траур Алжира» (Djebbar A. Le BLANC de l'Algerie. P., 1999).

⁶ Mokeddem M. N'Zid. P., 2001.